

БОРИС ГАНАГО
ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

Предназначение

Сборник рассказов

Автор-составитель Борис Ганаго

Художник Ирина Зенюк

Минск

Братство в честь Святого Архистратига Михаила

2013

УДК 23/28

ББК 86

Г 19

*Допущено к изданию Издательским Советом
Белорусского Экзархата Русской Православной Церкви.
Решение № 1445 от 11.02.2013*

Г19 **Предназначение:** сб. рассказов / авт.-сост. Б.А. Ганаго. — Минск, 2013. — 60 с.

ISBN 978-985-6978-52-7

*Для среднего и старшего
школьного возраста*

Еще до нашего появления у Господа был Замысел о каждом... Захотим ли мы задуматься о своем Предназначении, зависит от нас. Захотим ли его исполнить?

УДК 23/28

ББК 86

ISBN 978-985-6978-52-7

© Ганаго Б.А., 2013

В костюме Адама

Случилось это после войны. С продуктами еще сложно было. Чтобы выжить, кто мог, участки картошкой засаживал. Это ох как помогало!..

Но замечать стали, что кто-то повадился урожай у них выкапывать. Решили выследить.

Устроили засаду. Видят, пришел некто с лопатой. Озирается — нет ли поблизости свидетелей? Никого. И начал. Выбирает, чтоб картошка покрупнее была, без изъяна.

Тут-то его и поймали с вещественными доказательствами.

Что придумали для вразумления? В милицию сдали? Шишек наставили?

Нет. Народ у нас посмекалистей, в глубину смотрит, в сердцевину. И такое придумали, чтобы впредь не только сам на чужое добро не зарился, но и внукам заповедь Божию завещал: «Не укради!».

Так что же решили на совете? Очень просто.

Раздели и голеньким домой отправили. Каково бы ему было в чем мать родила по проспектам расхаживать?! Пришлось горемыке дотемна в кустах дрожать...

От людей-то спрятался, а от Всевидящего Бога разве укроешься? Он в Свой час спросит: «Не для того ли ты был создан, чтобы быть Мне подобным? Во что ты себя превратил?».

Какими мы предстанем пред Господом?

Закон бумеранга?

Занятная штукавина — бумеранг. Занятная и загадочная. Бросишь его, а он к тебе же и вернется. Даже находясь на орбите в космической станции японский астронавт попробовал его бросать. Там же невесомость, силы притяжения нет. Но бумеранг, как обычно, возвращался к нему. По каким законам?

Одна известная с библейских времен особа как-то переходила глубокую речку по тонкому льду. И провалилась. Такое бывает, но она провалилась как-то странно: тело под воду ушло, а голова наверху осталась, льдинами стиснутая. Лед давил все сильнее и сильнее, пока, как мечом, ее не срезал...

Звали ту особу Саломея. Всю жизнь, начиная с младенчества, она обольстительные танцы разучивала, словно явилась на свет белый только для них.

И вот однажды во время пира, на который было приглашено множество знатных гостей, она так танцевала, что царь Ирод, голову потеряв, воскликнул:

— Проси, что хочешь! Хоть полцарства!

Раз в жизни такое случается: царю приказать можно. Он ведь это при всех сказал — никуда не денется, обещание исполнит. Теперь он раб своего слова, хоть и пьяного. Лови момент! В сей миг сатанинская гордость пиром правит.

Все замерли: что молвит девица? Растерялась она — как бы не продешевить! И за советом к матери Иродиаде обратилась, которая, будучи женой брата Ирода, в любовницах у царя состояла:

— Что просить? Подскажи!

А у той, мстью одержимой, одно желание давно зрело: заставить замолчать навеки своего обличителя — Иоанна Крестителя, который явился из пустыни в верблюжьей шкуре и вздумал учить, как жить.

Удалось ей уговорить Ирода новоявленного учителя в тюрьму упрятать. А тот самому царю дерзнул сказать:

— Не должно тебе иметь жену брата!

— Ну уж нет! Такому праведнику и тюрьмы мало! — сотрясалась от злобы Иродиада. — Казнить его! Казнить! — нашептывала она ночами своему любовнику.

Но медлил Ирод, боялся... Любили Иоанна, Христа и народ крестившего, за пророка почитали. Никак не удавалось ей уговорить царя, а тут он сам себе ловушку устроил. Теперь-то не отвертится!

— Скажи, чтобы сейчас же принесли на блюде голову Иоанна!

Дочь, думать не обученная, передала Ироду слова матери. Нахмурился царь, да что поделывать — не терять же своего величия! И приказал...

Вскоре принесли отсеченную голову святого.

Казалось бы, все — живи дальше, царствуя и прелюбодействуя. Ан нет! Как донесло предание, лишился Ирод и царства, и богатства. В изгнание с ним отправилась его любовница Иродиада с дочкой.

Как-то Саломея прогуляться вышла... А потом мамочке принесли ее голову, правда, не на блюде...
Что это — закон бумеранга?
Или Высший Промысел?

Желудь

Нашему дяде сорок четыре года. Он неглупый и не злой человек, но работал за всю свою жизнь месяца два. Так получилось, так повела его кривая дорожка.

Почему-то с самого раннего детства его потянуло именно на этот извилистый путь. В садике, в школе, во дворе, в лагере — везде он изматывал нервы воспитателям и учителям, любуясь своим неповиновением. Шалости с годами становились все более разрушительными и все менее невинными, пока не довели в пятнадцать лет до первой судимости.

Дальше закружилась сумасшедшая карусель. Не друзья, а дружки. Кражи, пьянки, женщины, долги, штрафы, суды, тюрьмы... И опять, и опять... Потом в его жизни появились наркотики.

В камерах на него уже смотрели как на своего — бывалый. Да и сам он в минуты отрезвления чувствовал, что вырваться уже не может: наркотическая трясина требовала все новых жертв.

Дядя пытался лечиться, жил в трудовых колониях для наркоманов. Помогало, но ненадолго, не было внутри стержня.

Он крестился, стал рабом Божиим Романом. Но не оказалось рядом опытного духовного наставника.

Все это и привело его в строгое исправительное учреждение, где ему предстояло отбывать большой

срок. Условия очень жесткие, наркотики с воли не передашь. От зелья пришлось отвыкать. В голове прояснилось, вспомнил, что когда-то в техникуме учился на электрика, а на зоне такой специалист нужен как воздух. Впервые Роман ощутил уважение окружающих. Каждый день — работа, чтение, жизнь без дурмана. За него после крещения впервые стали молиться.

Как-то, гуляя по тюремному двору, он наступил на желудь. Поднял, повертел в руках да и закопал в банку с землей. Любопытно, что будет? А желудь пророс.

Что почувствовал этот человек, увидев живой росточек: свое жилье, семью, детей? Радость, нежность, ответственность? Ничему и никому он еще не давал толчка к жизни.

С этого времени он не расставался со своим питомцем. Всплыли в памяти обрывки уроков по ботанике: растениям нужен свет, вода, питание. Сидит в мастерской с паяльником и проводами — банка с ростком под лампой. В камере она всегда под окошком. Сокамерники смеялись, обзывали его Мичуриным. Но не обидно, не зло. А некоторые, вспоминая свой опыт, давали советы: в деревнях иногда при посадке помидоров закапывают кусочки рыбы. И как только на ужин дали селедку, большой ее кусок был закопан в банку с желудем.

А у него уже распустились первые нежные листочки. Каково же было горе заключенного, ко-

гда через день от соли они завяли, а росток сник. Роман начал обзванивать родственников. Что делать? Как спасти растение? Следуя их указаниям, он промыл корешок и пересадил дубок в свежую почву. А тот, словно почувствовав заботу, пришел в себя.

Теперь Роман стал приучать растение к солнечным лучам. И на прогулку он ходил только со своим питомцем. Выгуливал...

Первое теплое весеннее солнышко, приближающаяся Пасха, радость родственников: в начале лета — конец его срока. А молодой дубочек растет и крепнет.

Завязывать надо!

Не раз слышал Савелич, что когда кто-то из его знакомых до чертиков допивался, то видел их по стене ползающими, в рюмку подливающими, а то и веревку с петлей предлагающими для успокоения. Слышать-то слышал, но не верил, объясняя просто: это белая горячка.

Какие чертики? Наука их давно бы нашла и изучила. Там такие лбы! Да еще с приборами! Не нашли, значит, их и нет.

В один из запоев оказался сей мыслитель в вытрезвителе. Место для него знакомое, почти родное. Но отоспаться пьянице не дали. Кто-то его больно за волосы дергал. Продрал бедняга глаза — мать родная! Быть того не может: над ним чудовище мохнатое зубами щелкает и волос за волосом из его давно не кудрявой головы выдергивает.

Так завопил Савелич, что даже привычные ко всяким аномалиям дежурные переполошились. Спрашивают: что с тобой? Тот же, трясясь, про чудовище «лязгающее» что-то лепечет.

Чудовище оказалось самой обыкновенной обезьяной. Ее сюда за хулиганство посадили: животное сбежало откуда-то и стало окна бить. Поймали. А куда девать на ночь глядя? В вытрезвитель, куда же еще...

Савелича известить не сумели: к тому времени он уже отключился. А когда завопил не своим голосом, ситуацию ему популярно объяснили.

Он же, оказавшись в непривычной компании, глаз сомкнуть не смог. Поглядывая на обезьяну волосатую, о своем жизненном маршруте задумался. Как алкашом стал, как бутылки собирал для выпивки, как однажды в надежде на подавание в церковь зашел. И надо же: в проповеди в этот момент говорилось: «Ни воры, ни пьяницы Царства Божия не наследуют»... Еще про святых успел услышать, что и они грешными были, да покаялись. Главное — решиться.

Пока вспоминал эту историю, обезьяну из вытрезвителя забрали. Ее-то понятно куда — в зоопарк. А меня? А потом меня — куда? Что если и за гробом жизнь есть?! Пусть другая, но есть... Может, ученые ее еще просто не открыли, приборы нужные не изобрели?

Вдруг и ад есть?! Что тогда?! Нет-нет. Завязывать надо!

И ведь завязал — обезьяна перевоспитала.

После замужества

Е Лизой Максим познакомился в библиотеке, куда она приходила готовиться к экзаменам за второй курс юридического института. Ему сразу понравилась эта девушка, на вид очень спокойная, рассудительная, доброжелательная и скромная. Больше он, собственно, о ней ничего и не знал. Она заметно отличалась от шумных и самоуверенных столичных девчат. Скоро он решил, что лучшей жены ему не найти. Молодой человек сделал ей предложение и получил согласие.

Однако безоблачного счастья не получилось. Ссориться они стали почти сразу после свадьбы, причем инициатором всегда была Лиза.

Причина конфликтов была простая: разница интересов и настроенность Лизы жить только для себя, для собственного удовольствия.

Выходя замуж за бизнесмена — человека, как она считала, с большими деньгами — Лиза надеялась, что жизнь ее станет интересной, наполненной поездками за границу, интересными встречами и знакомствами. Ей хотелось окунуться в атмосферу роскоши и развлечений. Однако муж много работал и не мог постоянно уделять внимание жене.

В семье Максима было еще четверо младших детей: двое — Сергей и Мария — учились в университете, а младшие — Ванюша и Катюша — в школе. Выросший в многодетной семье и будучи старшим, Максим считал своим долгом помогать родителям в воспитании детей и их учебе. Он быстро и умело разрешал их споры и неурядицы, оберегая мир и дружбу в семье.

— Ну почему ты и только ты должен помогать младшим в учебе? — возмущалась Лиза. — У вас теперь есть свой «великий», как вы говорите, математик — Сережа. Вот пусть и занимается с ними. Тем более он еще холостой, а у тебя молодая жена, которой надоело сидеть дома одной.

— Подожди немного, — смеялся Максим. — Скоро малыши закончат школу, поступят в университет и мы сразу сбежим, куда захочешь.

Но Лиза не хотела ждать. Будучи единственной дочкой, она привыкла быть в центре внимания, свободной от всех бытовых обязанностей.

Вскоре после замужества она бросила институт, даже не посоветовавшись с мужем. Это огорчило и обидело Максима. Он предлагал ей восстановиться и продолжить учебу, обещая всю помощь. Но Лиза настояла на своем. Ее несговорчивость была для Максима неожиданной и неприятной: такого он от нее никак не ожидал. Это была их первая крупная ссора.

Встревоженный Максим пытался расширить ее кругозор: он подбирал для нее книги из своей боль-

шой библиотеки, в том числе духовные, водил на художественные выставки, концерты классической музыки, знакомил со своими друзьями. Но книги пылились, разбросанные по всей квартире, на выставках и концертах она жаловалась на усталость, а серьезные разговоры Максима с друзьями были ей не интересны.

Чтобы не скучать, Лиза окружила себя неработающими подругами, проводя встречи с ними в бесконечных разговорах о моде и нарядах, угощая гостей вином, изысканными салатами и закусками, приготовленными по заказу в дорогом ресторане.

Денег она не считала, да и Максим старался ее не ограничивать. Это вызывало у подруг зависть. Незаметно они стали восстанавливать Лизу против мужа, рассказывая, какие молодые и длинноногие девицы крутятся у него на фирме. И Лизе уже казалось, что муж подозрительно долго задерживается на работе и от него пахнет какими-то незнакомыми духами. Их ссоры участились.

Беспечная и бесцельная жизнь Лизы и влияние на нее подруг беспокоили Максима, и он решил подружить ее со своими братьями и сестрами. Однако желаемая близость не возникала. Лиза не скрывала своей неприязни к родным мужа, и ее отношения с ними были весьма прохладными.

Тем не менее раз в месяц квартира Максима наполнялась шумом, смехом и шутками его близких.

Дети приносили что-нибудь приготовленное мамой, хозяйничали на кухне, и скоро аппетитные запахи звали всех к столу. Перед едой все читали молитвы.

Потом начинались разговоры: братья и сестры по привычке отчитывались перед Максимом. И его жена невольно включалась в эту радостную суету.

Но гости уходили. А Лиза старалась отыскать что-либо нарочитое и неестественное в их разговорах и шутках, выплескивая все на Максима, еще не остывшего от радостной встречи с родными.

Однажды Максим решил серьезно поговорить с Лизой.

— Мы живем с тобой, Лизок, уже четыре года. Не пора ли нам задуматься о наших наследниках? Я считаю, что детей в семье должно быть много. Только в больших семьях создаются условия для их нормального развития: дети привыкают заботиться о родителях и друг о друге и учатся жертвовать собственными интересами. И вообще, цель женитьбы — это продолжение рода.

Но и в этом самом важном вопросе он не нашел согласия с женой.

— Ты что, Максик, — смеялась в ответ Лиза, — хочешь превратить меня в этакую толстую свинку-производительницу, окруженную десятком поросят? Вообще-то я не против ребенка, но это потом. Вначале надо пожить для себя, посмотреть мир. Может быть, найти страну, где ты более ярко

проявишь себя и, наконец, увидишь, что, кроме братьев и сестер, у тебя есть молодая и красивая жена.

Слово за слово... Сначала разговор шел на повышенных тонах, а потом незаметно превратился в скандал.

— Глупая была, — кричала Лиза, — что отдала тебе лучшие годы! Только и слышишь — дети да дети. Давно надо расстаться! Сколько у меня поклонников в институте было!

Что-то еще очень обидное кричала Лиза, не слыша ничего вокруг, когда, наконец, заметила, что Максим не отвечает, а внимательно смотрит на нее. Замолчала и Лиза... И в этой тишине прозвучал спокойный голос мужа.

— Ну что ж... Развестись никогда не поздно. Мы ничего не должны друг другу. Можем хоть завтра подать заявление.

Он повернулся, вошел в свой кабинет, и в двери щелкнул замок.

Лиза осталась одна. Она долго не ложилась спать, ожидая, что муж выйдет к ней. Но он не выходил. Наконец женщина забылась тяжелым сном, а когда утром проснулась, Максима уже не было...

Красавица-раскрасавица

Родила мама девочку — такую красавицу, что ни в сказке сказать, ни пером описать. И в кого, спрашивается, такая получилась? Мама и папа самые обыкновенные, работающие.

Ну а девочка у них Красавица-раскрасавица — так теперь все ее величают. Мама не нарадуется, папа гулять с дочкой ходит гордо задрав голову, снисходительно на других мужчин поглядывая.

Только сама дочка недовольна.

— Ну, зачем меня так называют? Красавицы-раскрасавицы — это принцессы в сказках, а я просто девочка — мамина и папина дочка.

Шло время, девочке исполнилось уже шесть лет, и она еще краше стала. Да к тому же девочка была доброй и ласковой. Подружек у нее — весь двор. Со всеми она делится, щедро раздаривая свои игрушки и сладости.

Пришла к ним как-то мамина подруга Оля. Видит: Красавица-раскрасавица на кухне сидит, перед нею семь кукол, а сама она картошку чистит и куколок своих учит суп варить. Говорит им:

— Папа скоро с работы придет, успеть надо.

А мама добавляет:

— Правильно, дочурка. Он ведь только на банкетах разные деликатесы заказывает, чтобы пыль в глаза конкурентам пустить, а дома борщ любит по-

гуще, чтобы ложка стояла, да и котлеты с жареной картошечкой, как когда-то его мать готовила.

— Вот это да! — удивилась подруга. — Наша Красавица-раскрасавица картошку на кухне чистит, да при этом еще и в куклы играет!

— А это, тетя Оля, вовсе не куклы, это мои детки, их, как у моей прабабушки, семеро: четыре девочки и три мальчика.

— Так это у прабабушки! — возразила тетя Оля. — А теперь XXI век, и много детей никто не заводит. Хотя бы одной пробиться, чтобы звездой стать. А из нее когда вы звезду делать будете?

— Да как-то я об этом не думала, — отвечает мама.

— Ну и темная ты! — воскликнула подруга. — Некоторые родители с пяти лет своих детей продвигать начинают, а другие и того раньше. Смотри, упустишь время. Ладно, есть у меня на примете один супер-специалист, могу порекомендовать. Может из самой завалящей девчонки звезду сделать. А у тебя не кто-нибудь, а настоящая Красавица-раскрасавица!

Тот как увидел девочку, так и загорелся.

— Беру, — говорит. — Повезло вам, что вы на меня вышли. Сделаем из вашего ребенка Мега-звезду. Весь мир объездит, и в институте ей не надо будет мозги сушить.

Только Красавица-раскрасавица опять не соглашается:

— Не хочу быть Мега-звездой. Звезды высоко на небе, а я просто мамина и папина дочка.

Но девочку уговорили. Стал супер-специалист из Красавицы-раскрасавицы звезду делать. Голос проверил: трогательный и нежный, только слабенький и негромкий.

— Это мы исправим, — говорит. — Теперь такая техника, все, что хочешь, сделать можно.

И началось... Двух помощников супер-специалист взял, детей человек восемь, чтобы возле звезды прыгали и кувыркались, да ансамбль музыкантов, которые бы, когда нужно, нежный голосок заглушали. А саму Красавицу-раскрасавицу подкрасили и приодели, наряд выписали аж из Франции. Научили ее бегать по сцене, кружиться, руками двигать, ногами пританцовывать.

Денег, конечно, ушло несчитано, но что для родной дочки не сделаешь?

Заняла Красавица-раскрасавица первое место на конкурсе в своей стране, а на международном — второе. Все получилось так, как супер-специалист предсказывал.

И вскоре засияла новая Мега-звезда. Были у нее и триумфальные поездки по родной стране и за границу, и участие в разных шоу, и выступления по радио и телевидению.

Годы не шли, а летели. Школу закончила Красавица-раскрасавица кое-как. Учителя гордились — только у них есть Мега-звезда — и невольно послабления в учебе ей делали.

Мама и папа в основном по телевизору дочку видели. А когда залетала она на день-два в родной дом, мама каждый раз, вздыхая, спрашивала:

— Что ж это, дочка? Уже которого мужа меняешь, а деток все нет и нет... Смотри, опоздаешь!

Дочка в ответ только смеется:

— Ну и темная же ты, мама! Мне это нужно? Ведь я Красавица-раскрасавица, да еще и Мега-звезда! А если детей не будет, ничего — из Африки негритенка возьму: усыновлю или удочерю. В наших кругах это сейчас модно: блондинки черненьких детей на воспитание берут, чтобы контраст был.

И подружки у нашей Мега-звезды исчезли — до них ли ей стало?! Вокруг только соперницы да завистницы. Доброта ее растворилась в суете, а нежность испарилась от легких связей.

И совсем забыла Красавица-раскрасавица, а теперь еще и Мега-звезда про маму и папу...

Скандал

В Благородном Семействе

Сэр Джон и Леди Глэдис Грей жили в шикарном особняке в окрестностях Лондона под названием Грей-Холл. Дом был трехэтажный, построенный в старинном викторианском стиле с величественными колоннами и скульптурами на фасаде, многочисленными спальнями, гостевыми, комнатами для прислуги и, конечно же, бильярдной и библиотекой. К особняку вела полукилометровая аллея, обрамленная с обеих сторон столетними липами, а огромный парк утопал в экзотических деревьях и кустарниках, среди которых там и тут едва виднелись миниатюрные причудливые беседки.

В середине парка только опытный глаз мог обнаружить заросший буйной растительностью пруд, в котором неспешно плавали черные лебеди. А соседи и знакомые, приезжавшие к Грейам погостить на уикэнд, издалека могли наслаждаться тонким изысканным ароматом бесчисленных редчайших роз. Словом, все, чем владели Сэр Джон и Леди Глэдис, полностью соответствовало британскому понятию «родовое гнездо». Само собой, Грей гордились своим поместьем, но еще больше они гордились своим единственным наследником — умным, не по годам развитым семилетним Сэром Уильямом, которого

только Леди Глэдис иногда называла просто Уилли, да и то в минуты особой душевной слабости или крайнего умиления, что случилось все реже и реже с тех пор, как она вышла замуж за Сэра Грея и произвела на свет будущего баронета.

Не секрет, что маленького Сэра Уильяма ожидала блестящая карьера: Итон, Оксфорд, а дальше... Возможно, Палата Лордов в Парламенте, а может, кресло в Кабинете министров, на худой конец, дипломатическое поприще или какой-нибудь высший офицерский чин в Королевских войсках...

Все шло своим чередом в благороднейшем семействе Греев, пока в одно холодное ноябрьское утро, когда Сэр Джон уже отбыл в Лондон по своим неотложным делам, в будуар Леди Глэдис, позабыв обо всех приличиях, не ворвалась горничная Мэри и, задыхаясь от волнения, не воскликнула:

— Леди Глэдис! Хозяйка! Наш малыш... то есть Сэр Уильям... Он пропал!..

На поиски наследника семейства бросилась вся челядь: шофер, охранник, садовник, горничная Мэри, кухарка и даже почтенный дворецкий Сэмюэл, который служил в Грей-Холле еще со времен покойного Сэра Джона Старшего. К счастью, маленького Сэра Уильяма нашли довольно быстро: скорчившись, он лежал на скамейке в одной из беседок в глубине парка, одетый в легкую фланелевую пижамку, и весь дрожал от утреннего холода. Охранник схватил будущего баронета в охапку и, не оказывая ему долж-

ного почтения, втащил в дом. Леди Глэдис полулежала в кресле и пила валерьянку.

Немедленно послали за домашним доктором. Тот внимательно осмотрел маленького лорда и наконец констатировал: «Легкие чистые, горло в порядке, температура и насморк отсутствуют. Ребенок абсолютно здоров, и это есть загадочный медицинский феномен, ибо, по-видимому, он провел на холоде немало часов. Мы обязательно обсудим этот удивительный факт в самых высоких научно-медицинских кругах, а пока... Дайте ему горячего чаю или молока с медом».

— Ну уж нет, доктор, — оторвавшись от флакона с валерьянкой, томно промолвила Леди Глэдис. — Вы, пожалуйста, выпишите нам самые эффективные и дорогие лекарства для бедного Сэра Уильяма. Сэр Джон никогда не простит мне, если с будущим баронетом случится что-нибудь страшное...

— Дорогая Леди, ваш сын абсолютно здоров, — повторил доктор, но, взглянув на Леди Глэдис, пожал плечами. — Впрочем, как вам угодно.

И, сославшись на неотложный вызов, он в спешке покинул дом.

Оставшись наедине с сыном, Леди Глэдис поставила полупустой флакон с валерьянкой на туалетный столик эпохи короля Людовика XVI и сурово обратилась к мальчику:

— Скажите мне, Сэр Уильям, почему вас нашли в беседке, а не в вашей уютной кровати эпохи королевы Анны?

А про себя подумала: «Отвечай как на духу — где ты шастал всю ночь, негодный мальчишка?».

Малыш робко взглянул на свою мать, но промолчал. Молчал он и вечером, когда Сэр Джон вернулся из Лондона после насыщенного неотложными делами дня и узнал последние новости о неподобающем поведении своего отпрыска и наследника.

— Это просто невероятно! Этого просто не может быть! Арест, домашний арест! — возопил благородный отец.

Он не поленился и сам запер дверь спальни своего сына, а ключ отдал под личную ответственность почтенного дворецкого Сэмюэля.

На следующее утро дворецкий, открыв дверь в спальню будущего баронета, с удивлением обнаружил его спящим в кроватке эпохи королевы Анны в легкой фланелевой пижамке, но одеяла... Мягкого овечьего одеяла эпохи короля Георга VIII в спальне не было!!!

Наследник вновь был вызван на ковер, но по-прежнему упорно молчал. Горничная Мэри с охранником и кухаркой обыскали весь дом: вся мебель в спальнях, гостевых и даже бильярдной была тщательно проверена, но увы... Бесценное одеяло как в воду кануло!

Леди Глэдис приканчивала второй флакончик с валерьянкой.

— Вы случайно не знаете, где ваше одеяло, Сэр Уильям? — из последних сил прошептала она.

«Куда ты подевал свое одеяло, маленький безобразник?» — читалось на ее лице. Наследник молчал.

— Это неслыханно, просто неслыханно! — возмущенно восклицал Сэр Джон, вернувшийся вечером из Лондона после своих неотложных дел. — Это переходит всяческие границы! Запереть, снова запереть! Теперь ключ будет лично у меня. Он останется в кармане моего любимого бархатного халата эпохи Реставрации. Так и только так!

На следующее утро Сэр Джон впервые не поехал в Лондон по своим неотложным делам. Ему пришлось признать невероятный, поистине фантастический факт: его любимый халат, бархатный, с кисточками, благородного темно-пурпурного почти королевского цвета, халат эпохи Реставрации бесследно исчез! Слово растворился в воздухе.

Валерьянка закончилась. Леди Глэдис лежала в глубоком обмороке. Наследник молчал. В доме хозяйничали вызванные почтенным дворецким Сэмюэлем лучшие полицейские Скотланд-ярда. Они перевернули вверх дном все три этажа викторианского особняка, но увы! ничего не нашли.

— Это просто невысказано! — стонал Сэр Джон, выпуская дым из своих благородных легких (последний раз он курил восемь лет назад накануне свадьбы с Леди Глэдис, поэтому его благородные легкие отчаянно сопротивлялись, вызывая у баронета приступы удушающего кашля). — Это скандал, настоящий скандал!

Леди Глэдис так и лежала, не проявляя признаков жизни. Сэр Джон сделал еще несколько глубоких затяжек и на некоторое время погрузился в мрачное молчание.

— Я понял, я все понял! — внезапно осенило его. — Это заговор нашей прислуги! Бедный мальчик, он молчит, потому что ни в чем не виновен. Воры! Негодяи! Мошенники! Уволить, всех уволить!!!

— И даже нашего почтенного дворецкого Сэмюэля? — на мгновение выйдя из глубокого обморока, поинтересовалась Леди Глэдис.

— Всех, всех без исключения! Они не оправдали возложенного на них высокого доверия...

Леди Глэдис снова утратила чувства. Сэр Джон в изнеможении опустился в кресло. Полицейских отпустили восвояси, а слуги разбежались по своим комнатам спешно собирать немногочисленные пожитки.

Когда в доме воцарилась настороженная тишина, маленький Сэр Уильям на цыпочках подошел к матери и, взглянув на ее безжизненное, но прекрасное благородное лицо, вдруг произнес:

— Простите меня, Леди Глэдис! И вы простите меня, Сэр Джон! — Он хотел продолжать, но, по-видимому, мужество и решительность покинули его, и он горько безутешно заплакал. Леди Глэдис немедленно очнулась, а Сэр Джон утратил всю свою степенность.

— Сэр Уильям! Уилли, сыночек! Скажи нам, что случилось! — в один голос взмолились они.

— Ах, мама! Ах, папа! Это я один во всем виноват! Не прогоняйте Мэри и Сэмюэла и всех других слуг! Они такие хорошие, а вокруг нас и без того столько бедных и несчастных!

— О ком ты говоришь, сынок? — от волнения благородные родители даже забыли о возвышенном стиле, в котором всегда общались с будущим баронетом.

— Хорошо, я вам все расскажу. Только, пожалуйста, не ругайте меня, а, главное, обещайте, что не будете смеяться...

— Обещаем, обещаем! — хором подтвердили измученные неизвестностью родители.

— Первый раз я ушел из дома и ночевал в беседке, потому что хотел узнать, что чувствуют люди, когда остаются без крова...

— Но зачем, зачем тебе это было нужно? И откуда ты узнал об этих людях? — наперебой, не веря своим ушам, вопрошали отец и мать.

— Дело в том, что на прошлой неделе я гулял вместе с Мэри в самом дальнем уголке нашего парка и нечаянно натолкнулся на маленького мальчика. Его зовут Питер, и ему столько же лет, сколько и мне. Его мать умерла от туберкулеза, а отца уволили с работы. А потом папа приказал снести их крохотный домик, потому что он мешал рабочим удлинить нашу липовую аллею... Пап, а для чего нужно было удлинять аллею? Она и так самая длинная в округе!

— Ну, не знаю... — в растерянности пробормотал Сэр Джон. — Понимаешь, это так престижно, так

благородно. Это соответствует нашему высокому положению в обществе.

— Возможно. Только малыш Пит и его отец остались без крыши над головой. Они превратились в... как это сказал Питер... превратились в бомжей.

— Фи, мой мальчик! Какое ужасное слово ты только что произнес! Бомж — это звучит так вульгарно! — Леди Глэдис потянулась за пустым флакончиком с валерьянкой.

— Не надо так говорить, мама. И вообще, тебе не идет, когда ты выражаешься так высокопарно. Ты сразу становишься намного старше.

— А ведь наш Уилли прав, — вдруг вмешался Сэр Джон. — Ты становишься похожа на королеву Елизавету II, но отнюдь не в эпоху начала ее царствования...

— И это говоришь мне ты? Неужели я бываю похожа на старуху? Вот уж не думала. Я всего лишь хотела соответствовать...

— Знаю, Глэдис, знаю. Тем не менее мальчик прав. Эти важные манеры тебе действительно не к лицу. Глэди, дорогая моя, Глэди! Ты была так мила и очаровательна восемь лет назад, когда я встретил тебя в цветочном магазине. Ты помнишь, я влюбился в тебя с первого взгляда, хоть ты и была тогда обыкновенной продавщицей, а не благородной леди.

— И ты тут же купил для меня все цветы в магазине, которые я продавала... — Леди Глэдис достала тонкий, изысканно пахнущий батистовый пла-

точек и осторожно вытерла выступившие на глазах слезы. На этот раз в ее движениях не было манерности и притворства.

Уилли продолжил свой бесхитростный рассказ.

— На второй день, когда папа запер мою спальню, я вылез из окна, чтобы отнести Питеру и его отцу свое теплое одеяло, потому что я провел на улице только одну ночь и чудом не заболел, а они каждую ночь спят на мокрой, холодной траве прямо под открытым небом.

— Ах, Уилли, Уилли! Но это же было одеяло эпохи короля Георга VIII! — Леди Глэдис в отчаянии закатила глаза.

— Мамочка, клянусь тебе: я отдал бы им одеяло, даже если бы оно принадлежало самому королю Георгу VIII! — горячо уверил мальчик. — А когда папа запер меня на третий день, Мэри...

— Как Мэри? Почему Мэри? Значит, это действительно заговор?! — трудно было понять, чего больше в голосе Сэра Джона — возмущения или удовольствия.

— Прости, папа, но Мэри знала обо всем почти с самого начала. Она ведь тоже из очень бедной семьи и ужасно-ужасно добрая... Это она достала ключ из твоего халата и открыла мне дверь...

— И конечно, ты отнес мой халат своему юному другу? Мой любимый бесценный халат почти королевского пурпурного цвета эпохи Реставрации? — в глазах Сэра Джона играли веселые искорки.

— Не другу, а его отцу. Потому что он очень сильно кашлял, и я боялся, что он тоже умрет от туберкулеза и Пит останется круглым сиротой. Пап, я отнес бы твой халат, даже если бы он был самого что ни на есть королевского цвета. А сегодня... сегодня я хотел забраться в холодильник и вынести им что-нибудь поесть, потому что у них нет денег и они не только бездомные, но и очень-очень голодные... Теперь вы знаете все!

— Слышала, что рассказал наш сын? И что ты обо всем этом думаешь? — обратился Сэр Джон к своей супруге.

— Я думаю... я думаю... Я думаю, Джонни, что у нас с тобой вырос золотой мальчик, с добрым отзывчивым сердцем и Богом в душе! — с умилением воскликнула Леди Глэдис. — Знаешь, восемь лет назад я, наверное, поступила бы точно так же.

— А я думаю, — с воодушевлением добавил Сэр Джон, — что ситуацию еще можно исправить. Ведь лучше поздно, чем никогда. И у меня возник план...

На следующий день Сэр Джон вернулся из Лондона раньше, чем обычно. Вместе с ним приехали какие-то люди, много-много людей и без промедления принялись за работу.

Прошло пару недель. Местность возле имения Грей-Холл теперь не узнать. Знакомые и гости, по-прежнему приезжающие в имение по уик-эндам, наслаждаются не изысканным ароматом редчайших роз, а дразнящими запахами крепкого мясного бульона, жареной рыбки, картошечки, лучка

WILLIAM GR

и прочей неприхотливой, но такой сытной и вкусной еды. Ведь попадая на полукилометровую липовую аллею, ведущую прямо к усадьбе, они не могут миновать небольшой, но вместительный домик на колесах с красивой надписью на фасаде: «Уильям Грей. Кухня для бездомных».

В гостеприимно открытых настежь дверях они обязательно увидят пожилого приветливого человека в фартуке и белоснежном колпаке, а в окошке непременно появится веселая симпатичная рожица семилетнего мальчугана.

Ночной звонок

Шквал оваций, восторги, цветы, салоны самолетов, мелькание пейзажей за окнами скоростных поездов — таковы будни эстрадной звезды. Все это казалось удачей, даром судьбы, смыслом бытия, доступным лишь избранным.

Таковой и считала себя Инесса. Была у нее и дочь, которую воспитывали дорогие нянечки, но они с мужем-продюсером лишь мельком видели ее между гастрольями, удивляясь, как она подросла и похорошела.

Иногда в их шикарнейшей столичной квартире останавливалась на несколько дней подруга детства звезды — Людмила. Инесса и ее муж снисходительно удивлялись провинциальности гостя. Приехала в Москву — и что? Он мог бы устроить ей билет на самый сногшибательный концерт, Инесса звала на конкурсы красоты с участием дочки, но Людмила вежливо отказывалась.

Н-да... Она — женщина в самом соку, а ездит по монастырям... Трудно поверить, что еще недавно сама была звездой, имела уйму поклонников. Муж в прошлом входил в руководство страны, теперь крупным бизнесом ворочает. Так Людмила с ним разошлась...

Инесса иногда говорила напрямую:

— Тебе что, в своем городе церковей мало? Не-

ужели в Москве — в третьем Риме — нет для тебя другого занятия, кроме как поклоны бить? Что ты в этом находишь? Давай вместе сходим на... И она предлагала модные шоу, концерты мировых знаменитостей...

Людмила противилась:

— Да мне и так от этих шоу деваться некуда. Только включишь телевизор, желая узнать, что в мире, а там... Сцена дымится, адский грохот, беснование в зале...

Супруги-гастролеры хохотали: «Во дает!».

— У вас же в первопрестольной столько святынь! Прикосновение к ним благотворно, — доказывала свою правоту Людмила. — А ваши шоу убивают время, опустошают душу. Не зря сказано: «Не касайся нечистого».

— Что с тобой стало? — вздыхала Инесса. — Мы же дружили, как родные сестренки были. Тебя словно кто-то подменил... С тобой и не поговоришь...

Так они и расстались, как чужие.

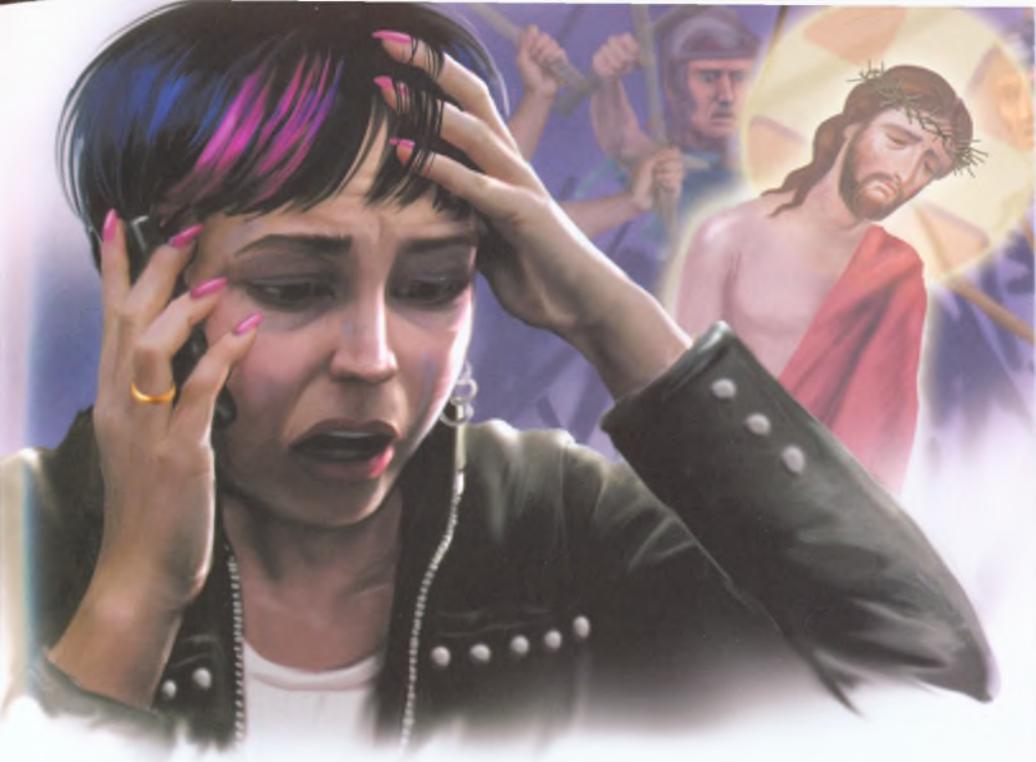
Однажды глубокой ночью тишину в квартире Людмилы взорвал междугородный звонок.

— Людка, прости, что звоню так поздно. Я только вернулась оттуда. Здравствуй!

— Здравствуй и ты. Откуда «оттуда»?

— Ох, мир перевернулся!

— Да объясни толком. Где ты была?

— В Великую Пятницу, у Гроба Господня. Там приложилась к камню, на котором Его бичевали. Я услышала свист плетей, вопли толпы: «Распни Его, распни!..». Я слышала стон Господа! Это Он о нас стонет, обо мне... Я поняла теперь тебя, поняла и не смогу уже жить, как раньше. Этот стон до сих пор во мне. Я распинала Его... О, сколько душ мы растлили своими концертами! Господи, прости меня, ослепленную, прости...

В трубке зазвучали гудки. Как сигнал SOS, SOS, SOS!

В ЭТОТ МОМЕНТ...

Меж собой мы звали его В.К. По тем временам он говаривал такое, за что не только увольняли из университетов и академий, но и в психушку отправить могли. И в конце концов отправили.

Там он мог всем желающим свободно рассказать о Боге. А желающие находились. Когда он говорил, весь коридор больницы наполнялся теми, кого власти считали душевнобольными. Даже медперсонал в обеденные часы собирался послушать «безумца», да и самого главного врача среди них замечали. С какой целью он приходил — неведомо: или логику пациента постигнуть, или свою душу исцелить. Кто знает? Кто-то об этих беседах «стукнул» в компетентные органы.

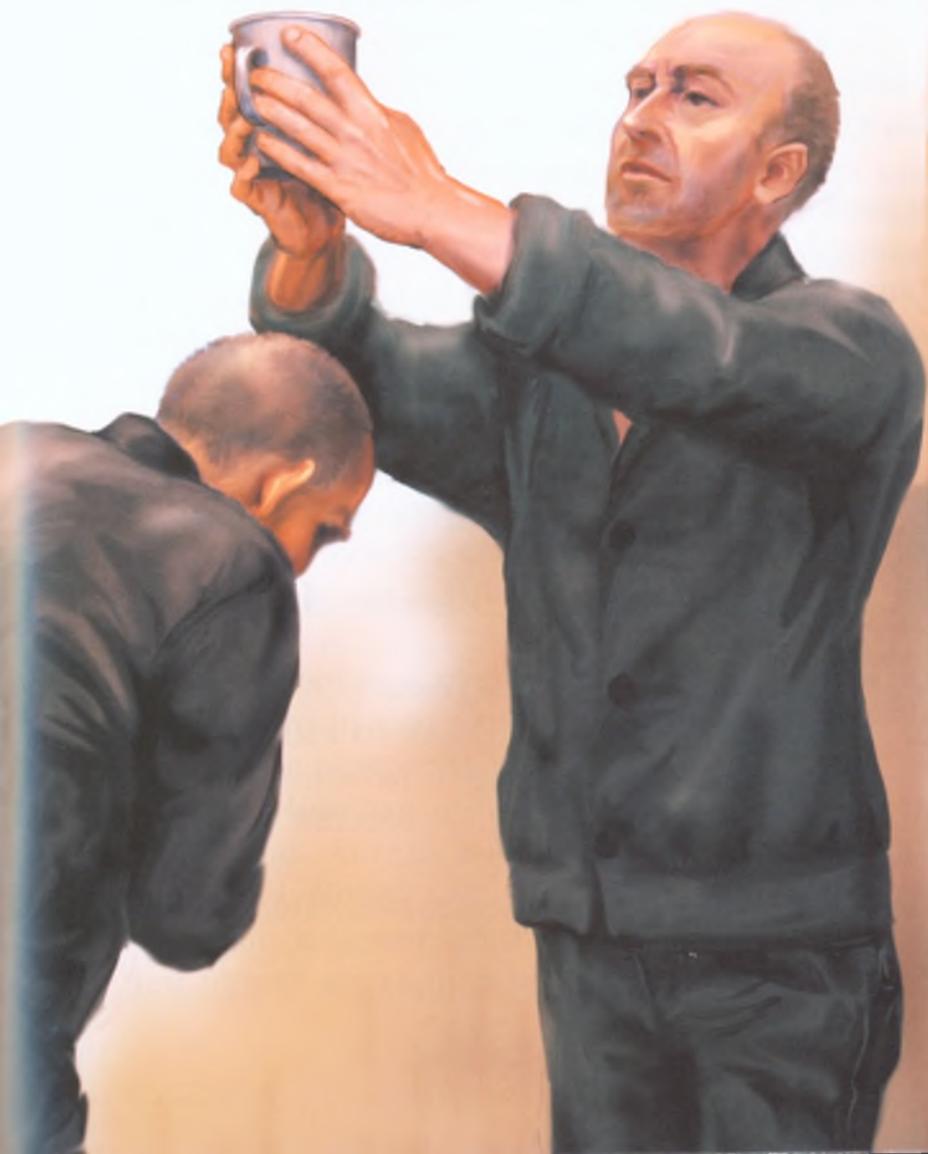
Беспокоясь о здоровом мировоззрении медицинских кадров, В.К. за тюремную решетку упрятали. Но и там (разве это случайно?!) к нему в камеру попал перепуганный паренек.

- Чего дрожишь?
- Боюсь, к уголовникам посадят.
- И что?
- Они, говорят, насильничают.
- Божией Матери молись. Она не допустит.
- Я ж некрещеный.
- Давай окрещу. В особых случаях это и мирянам дозволяется. Спаситель все предвидел. Согласен?
- Да.

— Только где нам воды взять?

В этот момент... Надо же! Именно в этот момент приоткрылось окошко, и появилась кружка с водой.

— Видишь, Бог хочет, чтоб ты с Ним дальше жил. Парнишка аж замер.

— Давай так: я буду читать «Символ веры», а ты повторяй, если сердце согласно. «Верую во единого Бога Отца Вседержителя, Творца Небу и Земли, видимым же всем и невидимым...». Веруешь ли в Творца? — испытующе спросил В.К.

— Верую, — робко подтвердил крещаемый.

«И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного...», — словно преодолевая невидимые бастионы губительного неверия, чеканил крестящий. Парень едва успел повторить загадочное «Аминь», как многозначительно провозгласилось:

— Крещается... Как звать-то тебя, дорогой?

— Ваней.

— Крещается раб Божий Иван...

Завершив обряд, В.К. строго предупредил:

— Выйдешь на свободу, обратись к священнику.

Он завершит таинство. Молитвы знаешь?

— Нет.

— Молись так: «Матерь Божия, помоги! Спаси, Господи!».

И сразу же заскрипели засовы.

— Иван Невинный, с вещами на выход!

— Спасибо, — прошептал паренек.

— Спаси и тебя Бог! — перекрестил уходящего в неизвестность В.К.

Вскоре была объявлена амнистия. Под нее попал В.К.

Хочется надеется, что и Ваня.

Неожиданный дар

Радостная спешила Ксения домой. Каждая клеточка ее тела пела: мальчик, мальчик, у меня родится мальчик! То-то Коленька обрадуется! Отправляя жену на консультацию, муж наказал:

— Смотри, Ксюша, потом можешь хоть десять девчонок рожать, но первенец должен быть парень — наследник!

— Смешные мужчины, — улыбалась Ксюша, будто от нас самих что-либо зависит. — Молиться надо, Бога просить, если нужно, Он даст мальчика.

Дома Николай подхватил Ксюшу на руки, носил по всем комнатам, приговаривая:

— Ну и жена у меня, самая лучшая! Какой подарок сделала!

Потом стал обзванивать и приглашать друзей отметить такое событие, сам побежал за шампанским. Ксения углубилась в Православный календарь, выбирая имя.

— На чем остановиться? Столько имен хороших, но выбрать-то нужно одно!

— А что если назвать его Николаем? Будут у нас в доме два Николая — большой и маленький. Каждый год день Ангела вместе отмечать будем. Надо поговорить с Колей.

Николай, конечно, согласился.

Чем ближе подходило время Ксюше рожать, тем

беспокойнее она становилась. Сердцем чувствовала — что-то у нее идет не так... Начались какие-то боли, потом изменился цвет лица, появилась слабость, исчез аппетит и сон...

Напуганная этим Ксения боялась идти на очередной осмотр.

А вдруг что-то с ребенком, и его предложат искусственно удалить? На все звонки врача Марии Александровны и медсестры отвечала, что у нее все в порядке, и на днях она обязательно придет. А сама не шла... Пусть еще подрастет малыш, чтобы ничего уже с ним нельзя было сделать. Наконец и Николай заметил, что у жены не все в порядке. Завел машину и, несмотря на ее слезы и сопротивление, повез на консультацию.

Как увидела Мария Александровна Ксюшу, так и ахнула.

— Что ж ты, Ксения, наделала, ведь столько раз звонили тебе.

Она вызвала главврача. Осмотрев Ксюшу, тот заявил:

— Время упущено, будем спасать маму.

— Нет! — рыдая закричала Ксения. — Ребенка убить не дам! Он уже большой и все понимает! Любую расписку подпишу.

Уговоры, убеждения и даже устрашения не помогли...

— Ну что ж... — сказала Мария Александровна, — попробуем спасти обоих. Молись, девочка!

И спасли. Правда, рожать Ксения больше не сможет. Жаль, конечно, но главное — ее малыш будет жить!

Рано утром проснулась Ксения от громкого разговора, перешедшего в крик. Кричала молодая женщина, ночью тоже родившая мальчика.

— Не возьму его, не возьму! Некуда мне его девать! Отчим — пьяница, заявил: «Вернешься с ребенком — выгоню!». Куда я потом с ним!

— Ты бы, Лена, покормила малыша. Слышишь, как заходится! — сказала Мария Александровна.

— И кормить не буду! Мне рассказывали: если хоть раз покормишь ребенка, так и прикипит он к твоему сердцу, и уже не откажешься от него.

— Давайте я его покормлю, — предложила Ксюша. — Молока-то у меня много, на двоих хватит.

А про себя подумала: если Лена не изменит своего решения, уговорю мужа усыновить малыша — будет у Николки братишка.

Лена ушла из роддома, оставив отказное письмо. На прощанье сказала Ксюше:

— Оформила бы ты, Ксения себе малыша. Сама же говорила, что больше рожать не сможешь. Не бойся, честно тебе говорю, мой так и не состоявшийся муж не пил, не курил да и красавец был. Вот и погналась... Но, видно, как в поговорке, — не по Сеньке шапка!

— А не придешь потом отбирать малыша? — насторожилась Ксения.

— Не волнуйся, не приду и никому рассказывать не буду. Вот тебе крест! — И перекрестилась. — А ты всем говори, что двойню родила, даже самым задушевным подругам. Они любят языком почесать, не дай Бог проболтаются, а ребенку на всю жизнь травма.

Второго сына назвали Алексеем, что в православии означает защитник. И действительно, нет у Николки более верного и близкого друга, чем Алеша. Любят два брата друг друга и никогда не расстаются...

Видно, действительно Божия Матерь подарила Ксении второго сына за то, что она своего первенца не загубила.

Крутой поворот

Дело было в летнем лагере после отбоя. Сашок, Митяй, Леха и Вадик, как всегда, не могли угомониться после насыщенного событиями дня, хотя вожатый давно уже выключил свет и велел ложиться спать. Они сидели каждый на своей кровати и обсуждали очередную интересную для всех тему. На этот раз речь зашла о будущих профессиях.

— Что до меня, — начал Сашок, главный заводила их маленькой компании (ему уже исполнилось четырнадцать, и он пользовался непререкаемым авторитетом среди более младших ребят), — я решил пойти в дальнбойщики. Представьте: едешь себе, едешь по бесконечной дороге, а по сторонам поля, леса, города мелькают, люди вокруг чем-то своим занимаются, по делам спешат, суетятся, как муравьи, а ты знай себе баранку крути, радио слушай. Голова ничем не забита, только сиди в кабине да сверху за всеми наблюдай, красотой любуйся. Романтика! И денжата, кстати, в карманах никогда не переводятся: одному помог, другого подвез. Не работа, а просто класс!

— Дальнбойщик — это здорово! — согласился с товарищем худенький и умненький Леха по прозвищу Супермозг, потому что он больше всех читал и всегда имел готовый ответ на любой вопрос. — Но все время быть в дороге — это не для меня.

Комфорта не хватает, да и извилины могут атрофироваться. Лично я хочу стать программистом. Придумаю какую-нибудь новую компьютерную программу навороченную. Будет мне слава и почет, и денежки стану лопатой загребать, как Билл Гейтс. Работа не пыльная: сиди дома в удобном кресле перед экраном монитора, а денежки сами к тебе текут...

— Никто не спорит, что программистом быть отлично, — вступил в разговор Митяй, самый крепкий и сильный среди ребят. — Но уж очень скучно, да и учиться долго надо. Нет, я скажу вам честно: мне работа без риска и стресса не нужна. Я твердо решил, что после школы пойду в МЧС. Вот уж где адреналина через край! Сегодня наводнение, завтра пожар, послезавтра землетрясение. Да и деньгами никто не обижен... Только для меня деньги — не главное. Мне надо, чтобы кровь кипела, чтобы каждая клеточка от избытка жизни трепетала, чтобы все девчонки вокруг восхищались моим мужеством и бесстрашием. По мне, так это и есть работа для настоящего мужика.

— Ну а ты, Вадик, чего молчишь? — обратился Сашок к четвертому тихому и робкому мальчику, который ничем особенным среди ребят не выделялся, кроме спокойного нрава и всегда ровного ко всем отношения, за что приятели смотрели на него чуть-чуть свысока.

— Неужели еще не выбрал, кем хочешь быть?

— Давно выбрал, но не скажу, а то смеяться станете.

— Не станем, не станем! — пообещал за всех заинтригованный Сашок. — Так кем? Клоуном в цирке? Воспитателем детсада? Зубным врачом?

— Нет. Я хотел бы стать... священником, как мой дедушка.

— Священником? Ну, ты даешь! — наперебой загудели ребята.

— А мой батя говорит, — прищурился Митяй, — что все, кто верит в Бога, слабаки.

— Кстати, Вадик, ты же нам байки рассказывал, что твой дед летчиком был, — съехидничал Леха.

— Да, это так. Он сначала был пилотом, а уже потом стал священником. Хотите расскажу, как это вышло?

— Давай...

— Больше двадцати лет дедушка в авиации проработал, много разных типов самолетов освоил, по всему миру летал, грузы, почту и людей перевозил, иногда даже особые секретные миссии выполнял. Работу любил, как родную семью, и без неба и высоты не мог представить свою жизнь. Впрочем, все пилоты такие: отними у них небо — заскучают, за-тоскуют...

И вот летят они однажды в африканскую страну, везут важный гуманитарный груз для беженцев, покинувших родные места после очередного военного переворота. А у деда в кармане форменного

кителя всегда иконка была — Святой Николай Чудотворец, покровитель всех путешественников. Ему мать давным-давно эту иконку подарила, когда он только-только летать начинал, так он с тех пор с ней и не расставался. Правда, он никогда ее не вынимал, перед друзьями-коллегами стеснялся. Ведь он КВСом был...

— КВС? А кто это? — перебил рассказчика Митяй.

— Капитан воздушного судна, — объяснил всезнающий Леха. — Он самый главный на борту: и самолетом управляет, и за все и всех в полете отвечает.

— Так вот, — продолжил свою историю Вадик, — идут они по знакомому маршруту, погода отличная, полет нормальный, настроение приподнятое и уже к аэродрому приближаются.

Вдруг откуда ни возьмись шквальный ветер налетел и страшная песчаная буря разразилась. В Африке такое часто бывает. Закрутило-завертело-затрясло их самолет, словно перышко, и начал он с огромной скоростью терять высоту. Изо всех сил налегает дед на штурвал, педали жмет, выровнять машину пытается, но та все ниже и ниже опускается. А кругом одна песчаная пелена, ничего не видеть, ни земли, ни неба.. Не то на полосу сумеют самолет посадить, не то прямо посреди пустыни на барханы грохнутся...

— Ну, ты не заливай, — снова перебил друга Митяй. — А приборы на что?

— Слишком низко уже был самолет, чтобы по приборам лететь, — ничуть не обидевшись на приятеля, спокойно пояснил Вадик. — Это называется — полет по собственным визуальным средствам. А какие тут средства, если совсем ничего не видно?!

— А чего ж они не катапультировались? — разволновался Сашок. — Жизнь-то дороже всего...

— Да не могли они. Это ж был не военный, а транспортный самолет. Экипаж восемь человек, на всех катапультироваться не напасешься, — снова вмешался всезнающий Леха.

— Точно. Так вот, товарищи деда сидят ни живы ни мертвы, рубашки от пота к спинам прилипли, языки поотнимались, с жизнью и родными прощаются. Уже метров пятьдесят, а то и меньше до земли осталось, столкновения не избежать... И тут вдруг вспомнил дед про иконку свою, вытащил из кармана, положил перед собой и начал молиться. Слов правильных не знает, говорит, что сердце подсказывает: «Святой Никола Угодник! Сотвори чудо, спаси нас от гибели неминуемой. Если жив останусь, век буду Господа благодарить и только ему служить!».

Это я рассказываю долго, а на самом деле всего несколько секунд на это ушло. И тут словно какой-то великан подхватил многотонный самолет, как пушинку, и остановил падение. В тот же миг стал он набирать высоту вопреки всем

законам физики и аэродинамики, потом выправился, сделал разворот и послушно пошел на посадку. И куда исчезли шквальный ветер и буря песчаная? Будто их и не было: солнышко светит, небо безбрежно-голубое... А тут и полоса аэродромная показалась. Приземлились как ни в чем не бывало, шок прошел, все деда обнимают, за спасение благодарят. А тот молчит, словно в рот воды набрал.

А когда прилетели назад домой, заявление об уходе с работы написал, да начальнику на стол положил.

— Почему решил уйти? — удивляется начальник. — Я тебя давно знаю и не поверю, что просто испугался. Здесь что-то другое. Выкладывай.

— Ты прав. Ухожу, потому что обещал, если жив останусь, Господу служить. А Отечеству своему я достаточно верой-правдой послужил...

— Да кому обещал-то?

— Николаю Угоднику.

Понял начальник, что переубедить деда бесполезно и отпустил его на все четыре стороны. А дед закончил духовную семинарию и с тех пор служит в тихой деревеньке сельским священником.

— Как же ты живешь теперь без неба и высоты? — иногда спрашивают у него бывшие коллеги-друзья, которые продолжают летать.

— У меня теперь другое Небо и другая Высота, — отвечает им дед. — Кто познает — поймет!

Предназначение

Гостям пора в машину — дорога предстоит дальняя. Они благодарят за подарки, цветы, за глубокое внимание, прощаются. Но зал не встает, не расходится, ожидая еще чего-то недосказанного, или задумался о смысле своего пути.

Однако час поздний, пора и домой. Да и сгущаются тучи — как доберемся?

И вот дорога. Какая-то зловещая тьма нависает над теми, кто только что возжигал свет в ослепленных людских сердцах.

Машина катится с горы при свете фар, но они бессильны пробить снежную завесу, накрывающую все вокруг. За два метра не видать ничего, кроме вихрей. Хлопья на стекле превращаются в причудливые узоры, фантастические фигуры. Какое дивное зрелище!

Но вот беда — они застилают дорогу, а остановиться нельзя. Кто-то, спускаясь, может врезаться в тебя, кто-то вдруг вынырнет спереди, так что не разминуться, ибо те также ослеплены.

Для чего нам это было дано? Пушкин воспринимал метель не просто как буйство стихии: «Мчатся тучи, вьются тучи...». Но он открыл в ней и мистический смысл:

*Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем,
Надрывая сердце мне...*

Но для чего, зачем эта бесопляска?

«Страшно, страшно поневоле среди неведомых равнин...» — признавался поэт. Страшно и нам.

За рулем батюшка, совсем молодой. Сколько душ ему предназначено спасти?! Неужели Господь не сохранит его?

А разве не драгоценны жизни благовестников, сидящих в машине? Час назад их в сосредоточенной тишине слушал полный зал людей, «духовной жаждой томимых». Их десятилетиями обманывали по рецепту Маяковского: «Давайте — знаете — устроим карусель на дереве изучения добра и зла!».

Ну и накаруселили! Наметелили!

А как сейчас обманутые ловили каждое слово! Им раскрывалась истинная картина мира. Они с удивлением узнавали, что смерти нет, есть лишь переход из материальной формы бытия в другую — духовную. Люди обречены на бессмертие, на вечность. Эта жизнь — только подготовка к ней.

Человек — творение Божие, наследник Царства Небесного, лишь бы жил по заповедям Бога, по заповедям Любви.

Кто, сочтя себя потомком обезьяны, избрал себе в родственники противника Господа, он и окажется

в сфере зла... О, если бы все это знали, все поверили! Не было бы войн, преступлений, разврата...

Эти откровения раскрывались благовестниками в рассказах, притчах, как когда-то и говорил Христос.

Вьюга между тем крепчает, застилая настоящее и будущее. А есть ли оно?

Для чего эта метель? Ну, бесы мстят, лютуют, запугивают — понятно. Но в чем ее духовный смысл?

Все тихо молятся. Каждый о своем, но прежде всего о прощении. Мысленно кается старший, ему за восемьдесят:

— Весь мой жизненный путь — сплошные метели. Сколько пустых мечтаний, где в центре всегда я.

А что я без Него? На мне столько незавер-

шенных благословений! Как я оправдаюсь?! Прости меня, Господи!

Мелькнула догадка — не для того ли метель, чтоб за бесовскими заносами мы увидели главное — свое предназначение!

Все молятся из глубины сердец.

Спуск закончился. Неожиданно перед нами возник движущийся огонек. Это была фура с мощным прожектором. За ней доберемся. Ее нам дал Господь!

Начался подъем.

Камо грядеши?

Поток людей, и навстречу, и обгоняют. Кто они? Куда спешат? У каждого свой мир. О каждом у Творца есть замысел. Исполнили земное задание, не заблудились ли? Готовы ли к переходу в иной мир? Все сокрыто от живущих. Пока.

А вот святым отверзаются очи духовные, и от них ничто не утаить в наших сердцах.

Пришел как-то один паломник к оптинскому старцу Льву. Много был наслышан о нем — и о даре исцелений, и о способности изгонять злых духов, и о прозорливости. Простой люд почитал преподобного «пуще отца родного», но находились и иные. Так, некий барин хвастал, что при встрече с прозорливцем сам его «насквозь увидит». Но как только переступил порог его кельи, услышал:

— Пришел, меня, грешного, насквозь посмотреть, а сам семнадцать лет не был ни на исповеди, ни на святом причастии.

Потрясенный барин заплакал, ибо семнадцать лет действительно жил без спасительных таинств.

Да, много дивного о старце рассказывали, и вот теперь путник с трепетом ждет, боясь постучать. Долго ждет. Потом у промелькнувшего ученика спросил:

— Можно ли к старцу?

— Можно.

Открыл дверь, а там народу полным-полно. И все на коленях, а старец на кровати сидит. Затрепетал

пришелец и позади всех тоже склонился. Кого тут только не было: и господа, и купцы, и простые мужики! И все за советом, как свой жизненный путь исправить.

Вдруг слышит паломник:

— А ты, афонский отец, почему на коленях? Или хочешь, чтобы и я стал?

Еще более устранился пришедший, ведь он в мирской одежде. Распознал прозорливый, ничего от него не скроешь.

— Прости мя, святой отче, Господа ради, я повиновался обычаю: вижу, все преклонились, и я пал.

Старец пояснил:

— Те люди мирские, да еще и виноватые. Пусть постоят. А ты — монах, к тому же афонский. Встань и подойди ко мне.

Приблизился паломник, а преподобный Лев, благословив его, приказал сесть с ним рядом на кровати и стал расспрашивать о подвижниках со святой горы. Великий старец по молитве мог духовным взором увидеть, кого захочет, но, кто знает, может, он дал возможность и народу послушать о святости.

Слушает преподобный и плачет от радости, прославляя Господа за то, что есть у Него верные служители, бросившие мирскую суету ради веры и любви, ради Царства Небесного, нам пока невидимого, но святым открытого.

Идут люди, торопятся... Куда?

СОДЕРЖАНИЕ

В костюме Адама <i>Борис Ганаго</i>	3
Закон бумеранга? <i>Борис Ганаго</i>	4
Желудь <i>Ирина Зенюк</i>	8
Завязывать надо! <i>Борис Ганаго</i>	11
После замужества <i>Любовь Ганаго</i>	14
Красавица-раскрасавица <i>Любовь Ганаго</i>	20
Скандал в благородном семействе <i>Наталья Ганаго</i> ..	25
Ночной звонок <i>Борис Ганаго</i>	37
В этот момент... <i>Борис Ганаго</i>	40
Неожиданный дар <i>Любовь Ганаго</i>	43
Крутой поворот <i>Наталья Ганаго</i>	47
Предназначение <i>Борис Ганаго</i>	54
Камо грядеши? <i>Борис Ганаго</i>	58

Духовно-просветительное издание

Автор-составитель **Ганаго** Борис Александрович

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

Сборник рассказов

Редактор и ответственный за выпуск Александр Ганаго

Художник Ирина Зенюк

Компьютерная верстка Елизавета Земцова

Подписано в печать с готовых диапозитивов заказчика 26.06.2013.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Бумага мелованная.

Усл. печ. л. 3,73. Уч.-изд. л. 2,69. Тираж 1 000 экз.

Братство в честь Святого Архистратига Михаила в г.Минске

Минской епархии Белорусской Православной Церкви,

ЛИ № 02330/0494311 от 04.03.2009.

220004, Беларусь, г. Минск, пр. Победителей, 82; тел. 250-14-18.

